

Элизабет Эссекс Страсть и скандал

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6893674
Эссекс, Элизабет *Страсть и скандал* : роман : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081267-7*

Аннотация

Томаса Джеллико, тайного агента секретных служб, судьба надолго забросила в Индию. Но даже шпионы должны когда-то возвращаться на родину...

Однако дома Томас неожиданно узнает в скромной, благопристойной гувернантке своих племянников прекрасную, немного загадочную Катриону Роуэн, которую он некогда безумно любил, а потом роковая случайность разлучила влюбленных.

Кто же эта красавица? И почему она ничем не выдает свое знакомство с Томасом, будто никогда не бывала в Индии — и никогда не давала отчаянному агенту обещания вечной любви?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	38
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Элизабет Эссекс

Страсть и скандал

Elizabeth Essex

SCANDAL IN THE NIGHT

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press, LLC и
литературного агентства Nova Littera SIA.

© Elizabeth Essex, 2010

© Перевод. Е.Ю. Елистратова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава 1

Уимбурн-Чейз, Гэмпшир

Раннее лето 1830 года

Есть одна древняя индийская пословица: «Пилигримы редко возвращаются домой святыми».

Томас Джеллико являлся тому доказательством. Так долго был он пилигримом в этом огромном испорченном мире, веру в который тоже утратил давным-давно — выброшенный злодейкой судьбой на грязную нехоженую обочину, — что едва не забыл дорогу домой.

Вот и стоял он у старинных ворот привратницкой, как ищущий подаяния нищий, в надежде, что вернулся туда, где его в конце концов примут после стольких лет отсутствия, после того, чем он занимался.

— Господи, Томас! Неужели это ты?

Томас заслонил глаза козырьком ладони — ясный свет английского солнышка казался непривычным, ослепляющим. Оставалось лишь надеяться, что человек, идущий к нему через лужайку огороженного двора, и есть его старший брат Джеймс, виконт Джеффри, хозяин этого старинного поместья. Томас не мог быть уверен: так много перемен принесли прошедшие годы.

Все казалось непривычным: и эти роскошные зеленые английские луга, и огромный старинный дом, что высился за воротами, и тесная, сковывающая движения английская одежда. Даже язык, слова которого давались ему с таким трудом.

— Джеймс. — Собственный голос показался ему грубым, даже немного вульгарным, и он понимал, что со стороны выглядит под стать голосу — столь же потрепанным и не внушающим доверия. Что, если брат, родная плоть и кровь, его не узнает? Слишком долго его здесь не было; Томас и сам себя не узнавал.

Оставалось лишь стоять у запертых на замок ворот да надеяться, что Джеймс узнает в бродяге своего брата и впустит в дом.

Действительно, брат-виконт долго разглядывал его сквозь забранное решеткой окошко, прежде чем лицо его просияло. Узнал!

— Томас, это ты! Сколько лет прошло. — Его голос дрогнул от нахлынувших чувств. В следующую минуту замок был открыт, ворота распахнулись, и Томас очутился в сокрушительных объятиях такой силы, что у него зашло сердце. — Тебе следовало дать знать, что ты возвращаешься. Почему ты... Однако не важно. Сегодня здесь все. — Похлопав его по плечу, Джеймс отошел на шаг, чтобы оглядеть брата с головы до пят. — Дай на тебя посмотреть. Господи! Хорошо, что ты вернулся. Добро пожаловать домой, Томас. Добро пожаловать.

Домой?

Хорошо вернуться в Англию. Действительно, он отсутствовал слишком долго. В Индии уже начался сезон дождей. Сплошная завеса непрерывного теплого мутного дождя, пузырящаяся коричневая жижа под ногами. В Гэмпшире солнце сияло в прохладном чистом воздухе и цветы радовали глаз яркими красками. Английские деревья могли похвастать тысячей оттенков сочной зелени, а синее небо было прозрачным точно кристалл алмаза.

Но разве это его дом? Все казалось чужим, необычным.

— Боже правый. — Томас махнул рукой в сторону потертой седельной сумки, которую привратник передал с рук на руки лакею. Конюшенный увел тем временем лошадь Томаса. — Это весь твой багаж? Тебя не было много лет, и ты возвращаешься чуть ли не с пустыми руками? Я ожидал увидеть сундуки с рубинами по крайней мере.

— Рубины придут позже. — Томас пытался сохранить хоть видимость свойственного ему сдержанного юмора. — Я скакал верхом от самого Ливерпуля. Был на пути в Даунпарк, да сделал остановку в гостинице «Грошовый Хэндли» и услышал, как упомянули твое имя.

— Надеюсь, не всуе? — пошутил Джеймс. — Ливерпуль? Что, бога ради, ты там забыл? Мне казалось, все эти годы ты должен был провести в Индии. Однако не важно. Главное, что ты наконец здесь. Идем же. Идем.

— Спасибо.

Схватив за руку, Джеймс потащил Томаса через лужайку внутреннего двора, как будто брат после столь долгого отсутствия был не вполне готов к тому, чтобы предстать перед семьей. Словно хотел убедиться, что Томас не исчезнет еще лет на пятнадцать, прежде чем окажется в надежном окружении родных стен.

Томас был тронут — значит, по нему скучали. Тревога, что тугим обручем сдавила ему грудь, начинала мало-помалу отпускать.

— Не будем заходить в дом. — Джеймс повел его через арку в стене прямо в парк. — Вся семья сейчас на западной лужайке — все, кроме Уильяма и его семьи. Так что хорошо, что ты не поехал в Даунпарк, — они ведь все здесь: мама, отец, все остальные. У нас нечто вроде приема в саду. Детям дали клубнику со сливками. Ты поспел как раз на крещение Аннабел.

Томас задержался перед аркой.

— Аннабел?

— Моя младшая. Родилась, пока ты разъезжал по свету. — Джеймс улыбнулся. Его голос был исполнен той благодушной теплоты, что всегда отличает счастливого в отцовстве мужчину. — У меня их много, детей. Но ты увидишь здесь всех остальных.

Вокруг стола, установленного на лужайке, расположилась многочисленная группа людей. Издали они по-прежнему казались ему незнакомыми. Томас положил ладонь на теплый кирпич стены, чтобы обрести равновесие и дать себе минуту передышки после долгого отсутствия.

— Грязь. С дороги.

— Не важно. — Джеймс продолжал тянуть его за собой. — Они будут в восторге, когда тебя увидят. Хотя нужно убедиться, что мама сидит. Слишком долго мы ждали.

— Да, — эхом отозвался Томас, все еще не решаясь преодолеть пропасть столь многих лет. — Слишком долго.

Эти пятнадцать лет отлучки не казались ему такими долгими, пока он не покинул Шотландию и двумя днями позже не ступил на английскую землю, где и оказалось — все переменялось, все стало чужим. Пятнадцать лет кочевой жизни. Пятнадцать лет жизни по собственным правилам. Пятнадцать долгих и, несомненно, незабываемых лет.

— Бог мой, ты был как тростинка, когда уезжал. А посмотреть на тебя сейчас! Ростом выше меня. Идем. — Улыбнувшись, Джеймс обнял его за плечи и повел через лужайку к собравшимся за столом. Его семья...

— Эй, все, взгляните, кого я привел! — крикнул Джеймс. — Чудесное возвращение. Наш Томас наконец вернулся домой!

К нему обернулись удивленные лица. Или ошеломленные. Раздались приветствия — некоторые голоса были ему знакомы, другие нет. Здесь был отец, поседевшая копия того, кто отправил Томаса искать счастья с Ост-Индской компанией. Он уже шел ему навстречу. Остальные повскакивали со своих мест, глядя на него с изумлением. Мать, с прижатой к

губам ладонью, выглядела старше, чем он предполагал увидеть. Сестра, совсем взрослая женщина...

Томас сделал шаг им навстречу. И вдруг почувствовал, что земля уходит у него из-под ног.

Как будто он еще не привык ощущать под ногами твердую почву. Как будто высадился на берег всего несколько часов — не дней — назад. Семья, наверное, решит, что у него приступ тропической лихорадки.

— Держись на ногах, старина, — сказал ему на ухо Джеймс.

Не иначе — и это после того как он умудрялся сохранить здоровье все эти годы странствий по Гиндукушу — подцепил-таки тропическую лихорадку. Если не в Калькутте или на борту корабля, значит, в Ливерпуле или Глазго.

Ибо он мог бы поклясться, что молодая женщина, которую он увидел в дальнем конце лужайки, не кто иная, как Катриона Роуэн.

Катриона Роуэн! Здесь, в Гэмпшире, в Англии, в доме его старшего брата! А ведь он искал ее по всему миру. В каждой деревне от Сахаранпура до Дели. И далее — в Агре, в бесчисленных деревнях вдоль Джамны и Ганга до самой Калькутты. Потом в Глазго, Ливерпуле и еще тысяче деревенок и городков, что лежат между этими городами.

Возможно, она привиделась ему в горячечном бреде. Возможно, усталый ум сыграл с ним злую шутку теперь, когда он в конце концов осознал бесплодность своей навязчивой идеи. Когда наконец с неохотой признал свое поражение в попытках ее найти, сдался и вернулся домой.

Томас щурился на резком северном солнце. Прикрылся рукой — слепили блики, отраженные струями декоративного фонтана. Взглянул еще раз, твердо намереваясь изгнать из памяти бесплодное мучительное видение. Ее стройное гибкое тело в сером; бледную веснушчатую кожу; прядь чудесных волос, покинувшую плен беспощадных булавок и шляпки, чтобы трепетать на пронизанном солнцем ветерке.

Но ум и сердце разом пришли в волнение, сшибаясь, как волны в шторм, и их рев сделался оглушительным. Катриона. Катриона. Катриона.

Бог мой! Или он сошел с ума, или это действительно она.

Как кстати! Вот потрясающая ирония! Он обыскал целый мир. А всего-то и надо было вернуться домой. Туда, где он прежде никогда не был.

Он приказал себе двигаться — идти к ней, схватить ее в объятия, убедиться, что это не галлюцинация. Дотронуться до нее и держать крепко, возвращаясь к реальности, — как Джеймс обнимает его сейчас за плечи. Но тело отказывалось повиноваться разуму. Томас стоял как парализованный.

Мир пошатнулся, черт возьми.

И центр этого потрясения прямо перед ним, на роскошной зеленой лужайке изысканного, прихотливо ухоженного поместья брата, в разгар чертова приема в летнем саду, — можно ли представить себе что-либо столь безупречно английское? Зелень, прохлада, порядок, мирная тишина и божья благодать. Это ведь не коварная, выбитая в голом камне горная тропа где-нибудь к северу от Пенджаба. Не кишачий людьми и тайнами базар Лахора! Даже там не испытывал он такого обезоруживающего, противоречивого ощущения — оцепенение пополам с болью, словно выбирающийся из собственной могилы оживший мертвец.

— Томас? Послушай, старина, с тобой все хорошо? — Джеймс с силой сжал его плечо.

Нет, ему было совсем не хорошо. Как будто одна из его чистокровных горных лошадок лягнула прямо в грудь, да так, что он лишился рассудка.

Его Кэт. Собственной персоной. Идет к нему, и дети вцепились ей в руки. Ждет.

Как могла она его отыскать? По идее это было невозможно. Он никому не говорил, что едет домой. Собственно, он и сам не знал, пока не бросил поиски в Ливерпуле, не вскочил в

седло и не поскакал на юг. Он собирался добраться до семейной резиденции Даунпарк, если б не услышал, как имя брата произнес конюх на ближайшем отсюда постоялом дворе.

Следующая крамольная мысль заставила его протянуть руку к удавке неимоверно тугого английского воротничка. Дети! Неужели у нее есть дети?

Нет. Дети, что цеплялись за ее руки, никак не могли быть ее собственными. Слишком большие: мальчику, что справа от нее, явно сравнялось четыре. И их чересчур много. Мало-вато было у нее времени, чтобы произвести на свет такой выводок. Господи, пусть это будут его собственные племянницы и племянники, дети брата и сестры, буйная орава, известная ему лишь по письмам, которые неустанно присылала семья. Послания шли строго через определенные промежутки времени, хотя он получал их раз или два за год толстыми пачками, и читал медленно, выучивая чуть не наизусть, прежде чем предать огню, листок за листком.

С веселым визгом дети бросились в объятия терпеливых родителей, восторженных тетюшек и снисходительных бабушек и дедушек — его родителей, его домашних, ради которых он проделал путь в тысячи миль. Тех самых, которые терпеливо ждали, когда он подойдет поздороваться. А он стоял как безумец, увидевший привидение.

Потому что боялся оторвать от нее взгляд — вдруг она померкнет и исчезнет, как мираж в жарком пыльном мареве пустыни. Но женщина не собиралась таять в чистом воздухе. Подошла ближе, уверенно ступая по зеленой траве, и, наклонив голову, сказала что-то ободряющее смущенному ребенку, цепляющемуся за ее рукав.

Нетерпеливые родственники встали между ними, мешая ему видеть. Он встал правее.

— Джек, малыш! Иди поздоровайся с дядей Томасом. — Джеймс все еще стоял рядом, пытаясь ненавязчиво подтолкнуть его — должен же он обратить внимание на семью. — Я рассказал им то немногое, что знал о тебе и твоих скитаниях по далекой экзотической Индии.

Вокруг зазвенели детские голоса, добиваясь его внимания, и скоро его взяли в окружение, застучали по спине цепкими нетерпеливыми ручонками.

— Дядя Томас! А правда, что в Индии так жарко, как говорят?

— Ты такой загорелый, как пират, — сочувственно сообщил второй голос. — Только у тебя нет кольца в ухе.

— Он мне не нравится, — вынесла окончательный приговор бдительная девчушка. — Похоже, он не привез нам подарков.

Но что ему детские голоса? Томас видел лишь Кэт.

А она по-прежнему его не замечала.

Остановилась позади толпы его родных, с вежливым безучастием ожидая поодаль, пока Томас стоял в центре шумной суеты. Ее глаза следили за детьми, которые собрались было вокруг него, а потом разбежались. Господи, неужели она его не узнала?

Томас сказал себе, что это совершенно естественно. Шесть месяцев назад, до того как он покинул Индию, его не узнали бы и собственные родители.

— Как долго она у вас?

— Прошу прощения? — Джеймс не понял вопроса. — Полагаю, все задержатся недели на две по крайней мере, хотя папе, быть может, придется вернуться в Лондон. У нас полно места. Нет нужды уезжать прямо сейчас...

— Нет. Она. — Томас кивнул, чтобы Джеймс понял, куда он смотрит. Он уже потерял ее. Теперь он не спустит с нее глаз.

— А, мисс Кейтс? Совсем забыл, ты ее не знаешь. Тут поосторожнее, Томас. — В голосе Джеймса ему послышалось предостережение. — Мисс Кейтс — наша гувернантка. Великолепно умеет обращаться с детьми. Просто чудо! Они ее обожают.

Разумеется, они ее обожали. Дети просто не могли не любить ее! Они прекрасно чувствуют хороших, порядочных людей.

Джеймс, однако, назвал имя Кейтс, а не Роуэн. Значит, она скрывается. Именно здесь. Умная девочка — он сам не мог бы выбрать места лучше. Он вздохнул с облегчением, как казалось ему.

— Она спрашивала обо мне?

— Мисс Кейтс? — Джеймс удивленно рассмеялся. Успокоительно положил руку на плечо Томаса. — Нет, брат. Зачем ей спрашивать?

По тысяче и одной причине, и самая главная: Кэт принадлежит ему.

— Как долго она работает у вас?

Джеймс хмурился с растущим недоумением.

— Не дольше шести месяцев, хотя Кассандра больше года добивалась возможности похитить ее у леди Гримой, в Окли. Ванесса Гримой ни в какую не желала ее отпускать, а ведь ее младшенькая уже вышла за порог детской. Почему ты спрашиваешь, Томас?

Значит, она настоящая добропорядочная гувернантка, а вовсе не притворяется таковой, чтобы проникнуть в семью брата. Как она сумела его отыскать, если сам он, человек, умеющий разгадывать всякие тайны, потратил большую часть двух прошедших лет на то, чтобы ее найти, — и поиски оказались бесплодными?

Но где ему догадаться в этом заторможенном состоянии? Поэтому, если он хочет узнать ответ, ему не стоит стоять столбом. Нужно действовать.

— Представь меня.

— Кому? Мисс Кейтс? Томас, ты не в себе? Идем, родные ждут.

— Представь меня. — Его категоричный тон не допускал возражений. Он был непреклонен точно гранитная скала.

— Ладно, если ты настаиваешь, — пробормотал Джеймс тем расстроенным голосом, который означал — он не знал, что делать с явно обезумевшим братом. — Мисс Кейтс, — позвал он ее, — позвольте представить вам моего брата, почтенного Томаса Джеллико! Брат совсем недавно вернулся из-за границы, из Индии. Точнее, прямо сегодня. Томас, мисс Кейтс.

Она поглядела на Джеймса, и глаза на бледном овале ее лица выразили не более чем вежливый интерес. Но Томас был начеку. Его тело содрогнулось, мучительно возвращаясь к жизни. Занимаясь бесплодными поисками, он был полумертв от горя. Но если она жива — ему тоже следует воскреснуть.

Быстро, насколько позволяли подкашивающиеся ноги, преодолел он разделяющее их расстояние и встал напротив, чтобы окончательно убедиться: это действительно Кэт. Затем подошел еще ближе, впитывая исходящий от ее кожи смешанный аромат лаванды и крахмала. Он оказался так близко, что она вынуждена была отвести взгляд от Джеймса и взглянуть на Томаса.

Сначала она просто смотрела на протянутую руку, загрузившую от работы с лошадьми, от солнца и ветра, слишком загорелую для англичанина. Потом ее взгляд скользнул к запястью, на браслет из потускневшего серебра, который он по-прежнему носил.

Да! Ее недоверчивый взгляд рикошетом метнулся к его лицу, и глаза потемнели, узнавая. Изумление, смущение отразились на лице Кэт словно жаркая тень, чтобы затем смениться бескровной бледностью. Даже веснушки исчезли, словно выцвели. Отпрянув, она схватилась за горло и вдруг покачнулась. Наверное, в этот миг ось ее мира, накрахмаленная, точно воротничок платья, совершила головокружительный наклон.

Он протянул руку, чтобы не дать ей упасть. В Индии она пахла жасмином и лимонами, а не лавандой с крахмалом. Он напомнит ей о жасмине.

— Мы с мисс Кейтс уже знакомы.

Глава 2

Почему ей не был дан знак свыше? Какой-нибудь подходящий природный катаклизм, пожар или, скажем, потоп, должен был дать знать Катрионе — очень скоро ад развернется, чтобы исторгнуть из своего чрева этого дьявола, которого она уж никак не ожидала увидеть.

— Сэр, вы ошиблись. — Она старалась проговорить эти слова четко, но они слетели с ее онемевших губ как невнятный шепот, лишенный и намек на самообладание, которое давалось ей с таким трудом.

Конечно, он ошибся. Ибо она никогда не встречала стоящего перед ней мужчину, невероятно красивого, в мятом, но прекрасно сшитом костюме английского джентльмена, выглядевшего совершенным чужаком здесь, на зеленой английской лужайке, прямо перед ней.

Конечно же, она его узнала. Эти сияющие ярко-зеленые глаза она узнала бы где угодно, даже если бы все остальное в нем — или в ней — изменилось до неузнаваемости.

Да, это лишь часть правды. Мисс Анна Кейтс — под этим именем знали ее хозяева, виконт Джеффри и его супруга, леди Кассандра Джеффри, — не могла быть знакома с достопочтенным Томасом Джеллико. Они не были представлены друг другу. Точнее, они никогда не встречались.

Ибо Катриона Роуэн знала его, а он знал ее — в полном смысле этого слова — как совершенно другой мужчина. Мужчина, запретный для нее, как яблоко познания в садах Эдема.

Цепь ее злоключений начала виться два года назад, на базаре в Сахаранпуре, где размещался временный аванпост английских войск, далеко к северу от Дели, почти на самой границе.

Стоило закрыть глаза, и Катрионе вспоминались пронзительные ароматы жасмина и ноготков, которые густым облаком висели в неподвижном утреннем воздухе. Торговцы-цветочники вывалили целые горы гирлянд из ярких лепестков, заполонив ими каждый дюйм пространства на Рани-базаре, — готовились празднества в честь какого-то индуистского божества, имени которого она уже не помнила. Воздух благоухал буйной смесью ароматов в окружении равного буйства сложных, насыщенных красок.

Несмотря на жару, юные кузены и кузины, находящиеся на ее попечении, были в восторге от прогулки. Вырвавшись на свободу за пределы английского гарнизона с его строгостями и ограничениями, они с восхищением разглядывали базар — Артур и Алиса убежали далеко вперед, а Шарлотта с маленьким Джорджем делали свои открытия, держась поближе к няне.

Катрионе все нравилось — и жара, и краски. Обжигающее весеннее солнце приятно грело кожу. Как хорошо было почувствовать горячие солнечные лучи после холодных пронизывающих дождей ее последнего путешествия из Шотландии.

— Только посмотри, Кэт! — Кузина Алиса подняла над головой гирлянду ярких розовых бутонов, а затем бросилась к прилавку, заваленному шелковыми сари живых, насыщенных расцветок.

Катриона улыбнулась. Приятно разделить с девочкой ее простую радость. Именно для этого и явилась она в Индию — найти хоть немного радости. Останься она в Шотландии — и ее жизнь стала бы сокрушительно бесцветной, а здесь она могла найти утешение среди тех родственников, что у нее еще оставались. Смягчить боль, которая только начинала утихать. Убежать от неизбежного горя.

Забыть.

Она отправилась в плавание к берегам Индии и к тетке, леди Саммерс, не спрашивая позволения, ни словом не предупредив даже о своем приезде. Не было времени. Кроме того,

она не могла ждать и не могла рисковать — вдруг они откажут ей в гостеприимстве? Денег хватало лишь на проезд в один конец, а времени — лишь на этот, с замиранием сердца, бросок жребия. Отец говорил, что лорд Саммерс — сын герцога и его семья наделена всем тем, чего нет у Катрионы, то есть богатством, властью и влиянием. Ужасный риск — отдать себя на милость родственников, но Катрионе больше некуда было пойти. Некуда больше бежать.

Но она искала не только возможности исчезнуть. Это был шанс начать заново. Стать частью семьи. Вернуть радость жизни в обществе непослушных и любящих детей.

И вот сейчас, когда она стояла посреди суеты базара, наблюдая за непослушными детьми, появился вдруг он. Ехал во главе каравана лошадей, копыта которых выбивали дробь на плотно утоптанной дороге, точно видение из книги сказок; загадочный принц, воплощение волшебства и коварства — на голове тюрбан, широкие одеяния развеваются, плисовые широкие шальвары закрывают верх сапожек из мягчайшей кожи винно-красного цвета.

Афганец или пуштун, догадалась она, вспоминая, что вычитала в книгах об этих воинственных племенах с севера: его поясной ремень ошетинился старинными кинжалами и пистолетами. Выглядел этот мужчина просто ошеломительно. Пронзительные ярко-зеленые глаза составляли странный контраст с кожей цвета темной карамели. Но именно улыбка, ослепительный промельк белоснежных зубов в окружении темной бороды — вот что поймало ее в сети точно рыбу. Насмешливая понимающая улыбка. Она была у него наготове — ее обладатель шел навстречу радостям жизни, любым удовольствиям, которые оказывались в опасной близости от его цепких рук. Столь сокрушительна была сила его улыбки, что каждый, кто видел ее, не мог не засмеяться, и Катриона тут же поняла, что ее губы тоже улыбнулись, очутившись в безнадежном плену заразительного энтузиазма этого человека.

— Кто он?

Айя по имени Намита, которой пришлось сделаться ее неотступной тенью с того дня, как Катриона неожиданно и в полном одиночестве оказалась у порога дома тети и дяди, сразу поняла, о ком речь.

— Ого, мэм! Этот человек — хазур Танвир Сингх, знаменитый торговец лошадьми из Пенджаба. — Глаза Намиты восхищенно сияли. Да и не у нее одной — глазами и улыбками сияли все женщины, что были на базаре, в возрасте от восьми до восьмидесяти. — Он богатый и влиятельный купец. Говорят, что его караваны заходят на самый край земли — в горы и страны к самому северу.

Разумеется, он торговал лошадьми. Выслушав объяснения, Катриона взглянула на него другими глазами — конечно, кем же еще ему быть, невзирая на боевой кинжал, заткнутый за ремень на поясе. Пенджабец держался расслабленно и все же в ритме шага своей лошади. Руки спокойно держат поводья, а колено приклеено к лошадиному боку — человек и животное составляли одно целое даже в тот момент, когда он легко перебросил вторую ногу через луку седла. Купец непринужденно направил лошадь прямо сквозь толпу. С пеленок знающий свое ремесло торговца лошадьми, он громко смеялся в ответ на шумные, радостные приветствия людей, которые то и дело его окрикивали на пути через весь базар. Щедро извлекал из своих карманов манго, которые бросал мальчишкам, жавшимся к прилавкам и глядевшим на него во все глаза.

Катриона понимала: это представление на базаре задумано так, чтобы его увидели все, — поэтому в считанные минуты — уста к уху, ухо к устам — весть, что Танвир Сингх привел с гор на продажу караван прекрасных, северной крови, лошадей, покинула базар и облетела весь Сахаранпур.

Кэт эти уловки были известны давным-давно. Разве не насмотрелась она на ему подобных, в изобилии встречающихся вдоль извилистых берегов реки Клайд и в сотне городков и деревень, да и в Глазго тоже, когда была девочкой? Плута она могла распознать с пер-

вого взгляда. Но он знал свое дело, этот плут, этот принц лошадиных стад из книги сказок. Несмотря на жару и пыль, несмотря на то что долгие недели, не иначе, длился его переход в долину с гор — с самого края земли, как называла айя Гималайские горы, — лошади выглядели свежими, гладкими, сытыми и полными сил: крепкая кость, хорошо развитые мышцы. Ее деду наверняка захотелось бы взглянуть на этих породистых животных и мысленно сравнить их со своими высокими отборными скакунами, выращенными на землях Клайда.

Но ее дед давно в могиле, Шотландия в тысячах миль отсюда, за темным беспокойным морем. А лошадей давно продали и увели.

Пронзительный укол боли и тоски — что она потеряла! — был столь же привычен, сколь быстр, хотя под лучами ослепительной улыбки пенджабца она смогла отодвинуть боль в сторону. Можно предаться ей позже. Не станет она мучиться ею сейчас. Лучше полюбоваться прекрасными лошадьми, что привел Танвир Сингх.

В следующий миг ноги сами понесли ее вперед.

— Ой, — испуганно воскликнула айя, дергая Катриону за руку. — Вас раздавят лошади!

Но Катриона совсем не боялась этих чистокровных лошадок. Они были ей точно братья и сестры. Сердце и ум лошади составляли для нее загадку не более чем ее собственные. Она пока лишь шла вперед, инстинктивно повторяя ласковые слова на гэльском, языке Шотландии, чтобы подбодрить ее, зная при том, что лошадь все равно не поймет, — надменная и любопытная вороная кобыла с высокими белыми чулками уже повернула к ней длинную породистую морду и, осторожно ступая, прошла те несколько футов, что позволяла ей веревка. Прядая ушами, фыркнула в знак приветствия.

Когда кобыла оказалась в достаточной близости и наклонила голову, чтобы ей почесали уши, Катриона закрыла глаза и глубоко вдохнула. Исходящий от животного запах был словно бальзам на ее душу — до боли знакомый, мягкий и такой земной.

— Питхар, — шепнула она в длинное изящное ухо лошади. — Сестра моя, ты проделала столь же долгий путь, что и я? Так ли трудно было тебе пробираться через горы, что и мне плыть по морю? Казалось ли все на пути странным и удивительным тебе? — Ее пальцы инстинктивно нашарили в кармане обгрызенное кашмирское яблоко, которое она купила для детей на одном из прилавков. Но лошадь следует угощать исключительно с позволения ее хозяина. Это правило было ей известно не хуже собственного имени.

Катриона подняла взгляд на всадника-пенджабца и обнаружила, что Танвир Сингх рассматривает ее своими яркими как изумруды веселыми глазами. Поэтому она показала ему огрызок яблока и вопросительно подняла брови — пантомима всем понятная, — потому что, прожив в Индии всего лишь несколько недель, она могла немного объясниться на хинди или урду, но не знала ни слова по-пенджабски.

Не говоря ни слова, не сдвинувшись со своего высокого седла на спине лошади, принц плутов улыбнулся Катрионе. Ослепительная, сверкающая улыбка могла бы растопить снежные шапки высоких горных вершин за холмами долины Доаб. Улыбка, словно предназначенная ей одной и никому другому в мире. Улыбнувшись, он ответил ей цветистым и изысканным приветствием, глубоким поклоном и широким взмахом руки, достойным какого-нибудь паши, раздающего милости, от которых зависит жизнь его подданных.

Этот жест изменил и ее жизнь тоже. Кусочек гранита — все, что осталось от ее сердца, которое вынудили окаменеть смерть и изгнание — вдруг шевельнулся, совсем чуть-чуть, как испещренная бороздками персиковая косточка, которая осторожно пытается пустить корни в твердую почву.

Глупое, предательское сердце.

— Неужели ты забыла?

Теплые воспоминания, нахлынувшие было на Катриону, оказались столь же уместны, как ледяная волна устья Клайда, увлекающая за собой остатки ее самообладания. Она оцепенела, дрожа всем телом. В имении Уимбурн она жила под именем Анны Кейтс если не в состоянии непрекращающегося страха, тогда просто в грустном предчувствии, что прошлое может однажды настигнуть ее. Ее вина грузом легла на сердце постоянным и беспокойным напоминанием о грехах, которые остались неотомщенными.

Но она никак не ожидала, что из всех людей на земле именно он окажется посланником неумолимого закона. Почему за ней явился Танвир Сингх — человек, который некогда был ее другом и стал единственным возлюбленным? Зачем было ему покинуть свой Пенджаб, чтобы преодолеть тысячи миль морем, исполняя приказ Ост-Индской компании, чтобы привлечь ее к правосудию, как они его понимали?

Ведь это он ее предал, а не наоборот.

Итак, вот он, во плоти. Она стояла так близко, что ей пришлось слегка запрокинуть голову, чтобы убедиться — этот странно знакомый ей англичанин и есть Танвир Сингх. Она уже забыла, как он неправдоподобно высок. Заставила себя забыть.

Как будто угадав ее мысли, мужчина — не Танвир Сингх, но Томас Джеллико — спросил:

— Хочешь, чтобы я напомнил?

Он говорил тихо, явно угрожающе, и его глаза — яростные зеленые глаза — рассматривали ее с головы до ног, будто он ее неумолимый палач.

Зачем ей напоминание? Как бы ни тешила Кэт себя мыслью, что забыла, она, если угодно, помнила все до мельчайших подробностей. Как сверкали огнем его зеленые глаза из-за темной завесы ресниц! Какой теплой была его кожа под ее ладонями! Вкус его губ. Вес его тела. Ошеломительная боль его последнего предательства. Его жестокое безразличие.

Катриона резко отдернула руку, которую он все еще держал.

— С вашего позволения, — едва смогла выговорить она, осторожно освобождаясь от цепких пальчиков малышки Марии и передавая ребенка на попечение старшей сестры. Мария прекрасно обойдется без нее — вон сколько вокруг взрослых родственников, — а ей нужно бежать от этого мужчины и прошлого, которое в конце концов ее настигло.

Но как, бога ради, сумел он ее отыскать, если она приложила столько мучительных усилий, чтобы замести следы? Потому что был не только Танвиром Сингхом, но еще и Томасом Джеллико, братом лорда Джеффри? И сколько уже Томас Джеллико успел рассказать о ней лорду Джеффри?

Помоги ей Господь. Оцепенение мало-помалу сменялось ледящим страхом.

Она быстро взглянула на своего нанимателя, который смотрел то на нее, то на брата. Что бы ни увидел лорд Джеффри в ее лице — чувство вины или по крайней мере удивление и страх, — это послужило ему побуждением к действию. Встав между ними, он предостерегающе коснулся плеча брата.

— Томас, — заговорил он тихо, но твердо. — Достаточно.

Томас Джеллико, не обратив никакого внимания на слова брата, легко стряхнул его руку, чуть поведя сухим плечом. Снова потянулся к ней, хотя она и отпрянула, наступая на нее шаг за шагом, пока чуть не упала, зацепившись за подол юбки.

Она спрятала руки за спину, чтобы он ее не схватил.

— Сэр, прошу вас!

— Томас, ради бога, — прошепел лорд Джеффри. — Что на тебя нашло? Будь любезен, оставь мою гувернантку в покое. Твоя семья ждет. И все смотрят, Христа ради!

Томас Джеллико — это имя отзывалось в ее голове как эхо среди холмов — наконец отвел свои неумолимые зеленые глаза, и его власть над ней закончилась. Как будто щелкнули, размыкаясь, оковы, отпуская ее на свободу.

Опустив голову, Катриона немедленно заторопилась прочь. Чуть ли не бегом пересекла лужайку, инстинктивно выбрав себе целью прогалину в тисовых зарослях ближайшей живой изгороди.

Что подумают о ней лорд и леди Джеффри? Даже при том, что ее наниматели, казалось, шокированы поведением своего родственника не меньше ее, почтенный Томас Джеллико как-никак приходится лорду Джеффри братом, а узы крови превыше любой, даже самой сильной благодарности. Лорд и леди Джеффри никогда не пойдут против брата ради гувернантки, пусть даже они успели ее полюбить. И Катриона понимала, что не сможет смотреть в прекрасное лицо леди Кассандры Джеффри, когда хозяйка узнает все то, что почтенный Томас Джеллико ей непременно сообщит, — что Катриона Роуэн разыскивается за убийство.

Во рту возник отчетливый металлический привкус — страх, вот что это было. Все пойдет, как уже бывало: влиятельные люди будут свидетельствовать против нее — и она не в силах это предотвратить.

Впрочем, нет. Она примет меры. Она сбежит.

Она уедет, как только бросит в сумку пожитки и скопленные деньги, а затем пойдет прямо через поля, как сделала раньше в Индии, а до этого — в Шотландии. Она не станет дожидаться, пока неумолимые жернова закона сотрут ее в труху. Она убежит прежде, чем успеет во всеуслышание распространиться его обвинение, подобное смертельному яду.

Катриона бесцеремонно сгребла юбки в охапку, чтобы бегом преодолеть короткий пролет каменных ступенек, ведущих прочь с лужайки, про себя кляня злосчастный выверт судьбы, который снова привел в ее жизнь человека, которого раньше звали Танвир Сингх. Из всех мест в мире, где она могла бы спрятаться, затеряться среди людей, она каким-то образом, сама того не ведая и не желая, выбрала дом его брата.

Где-то рядом в землю вонзилась молния — резкий, пахнущий серой разряд, прокатившийся по лужайке как раз в тот момент, когда у ног Катрионы травяная кочка с шипением взорвалась ошметками стеблей и бурными комьями почвы. Катриона встала как вкопанная. Гром потряс небо, эхом сотрясаясь в ее груди.

Но она ошиблась.

Она подняла глаза, чтобы убедиться — на голубом небе пока не было ни облачка. Тем не менее не иначе как надвигалась гроза. Если так, нужно увести детей в дом. Громовые раскаты особенно напугают малышку Марию.

Она собиралась повернуть назад, оглянуться через плечо, возможно, поговорить о Марии с леди Джеффри, когда следующий громкий разряд ударил слева от нее. От тисовой изгороди отлетела ветка и упала к ее ногам. Ее затуманенный ум больше не мог отрицать очевидное. Выстрелы — вот что она слышала.

Томасу Джеллико не хватило терпения. Не мог он тянуть время, конвоируя ее назад в Индию, чтобы там дожидаться сурового приговора суда. Решил застрелить прямо здесь. На виду у собственной семьи. На виду у детей. Милостивая святая Маргарита!

Воздух вокруг нее сгустился, затрудняя движения. Катриона слышала испуганные крики за спиной. Все бросились искать укрытие, и звуки чьих-то шагов тяжело отдавались на лужайке. Но когда девушка наконец смогла обернуться с криком, чтобы прятала детей, она увидела перед собой лишь английское воплощение Танвира Сингха, который набросился на нее, словно демон смерти и разрушения. Ничего другого его лицо выражать не могло.

Бежать было поздно. Она ударилась о его твердое, неподатливое тело, которое сбило ее с ног и навалилось сверху, так что воздух покинул ее легкие.

— Ради бога, — прорычал он ей в самое ухо, когда она попыталась драться, чтобы выбраться из-под этой тяжести. Крупная загорелая рука накрыла ее затылок, вдавив лицо

в траву самым бесцеремонным образом. Голос звучал хрипло, как шорох гравия. — Лежи тихо!

Он распластался на ней сверху, придавив к земле всеми пятнадцатью стоунами веса. У нее в груди заныло при тщетной попытке сделать вдох. Она начала ерзать под ним, чтобы втянуть в легкие хоть немного воздуха.

Пробормотав чрезвычайно грубое англосаксонское ругательство, он слегка сдвинулся в сторону.

— Прекрати. Бога ради, не двигайся.

Их тела сплелись — его нога дерзко проникла под покров ее нижней юбки, и твердое колено уперлось ей в бедро. Обе руки прижимали ее к земле, не давая освободиться от веса его тела. Огромное тело распростерлось сверху, подавляя своей силой.

Мимо прошелестела следующая пуля, и он вцепился в ее руку.

— Быстро! — приказал он, вскакивая на ноги и увлекая ее за собой. Потянул за платье, рывком поставил на ноги и толкнул, указывая на маленькую брешь в высокой стене вечнозеленой растительности, за которой скрывалась низкая каменная стена, образуя самую настоящую пещеру, темную, покойную. Привалившись к камню спиной, он грубо привлек ее к себе, втискивая в угол, где сходились стена и каменная лестница, что отделяла лужайку от зеленого лабиринта. — С тобой все в порядке? Ты не ранена?

Она не была ранена, но, разумеется, ни о каком порядке не могло идти и речи. Шляпка оказалась безнадежно смята и свисала набок, ее ленты врезались в кожу шеи. В рот набилась земля, и она по-прежнему едва могла дышать. Одна из пластинок китового уса в ее корсете, должно быть, сломалась — с такой грубой силой он на нее навалился, — и теперь вонзалась ей в бок точно лезвие ножа. Но главное, что мешало Катрионе чувствовать себя в порядке, так это то, что она была рядом с человеком, который раньше звался Танвиром Сингхом, а теперь навалился на нее всем телом, чтобы укрыть от выстрелов. Защитить. Гореть бы ему в аду!

Проклятие на них обоих! Потому что, если Томас Джеллико взял ее под защиту, значит, в нее стрелял кто-то совершенно другой.

Катриона пыталась побороть острый панический страх, что разливался в ее груди, и сделать глубокий вдох. Старалась сохранять спокойствие среди невообразимого хаоса.

— Дети? Кто-нибудь ранен?

В тусклом свете, что сочился сквозь ветви, она скорее угадала, нежели увидела, как Танвир Сингх повернулся к ней лицом.

— Их вывели из-под обстрела. На лужайке никого нет, — ответил он.

Он деловито ощупывал ее тело, руки, ноги. С той же профессиональной сосредоточенностью и заботой, как некогда осматривал своих лошадей. А ведь когда-то она видела в его взгляде, в движении рук, что гладили ее тело, отнюдь не беспристрастный опыт, но сосредоточенное, только ей предназначенное внимание и нескрываемое восхищение.

Непрошенная мысль, как мучительное напоминание о том, что она для него никто.

— Прекратите. — Она оттолкнула его руки. — Я совершенно невредима. Если не считать того, что вы меня чуть не раздавили.

Он отнял руки, и некоторое время они стояли в напряженном молчании. Она слышала, как гулко стучит в ушах кровь, и глаза мало-помалу привыкали к тусклому серо-зеленому освещению. Но когда Танвир Сингх заговорил, в его голосе ей почудилось некоторое ехидство. Как будто его смех ласкал ее там, где не смели коснуться руки.

— Очень хорошо, мэм. Постараюсь не делать этого в следующий раз, когда мне придется спасти вам жизнь.